
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

В цепких объятиях прошлого¹

Рецензия на книгу: Орешкин Д.Б. (2019)

Джугафилия и советский статистический эпос. М.: Мысль.

С.Н. СМИРНОВ*

***Сергей Николаевич Смирнов** – доктор экономических наук, заведующий, Центр анализа социальных программ и рисков, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН. Адрес: 109074, Москва, Славянская пл., д. 4, стр. 2. E-mail: socpol@hse.ru

Цитирование: Смирнов С.Н. (2020) В цепких объятиях прошлого // Мир России. Т. 29. № 3. С. 162–176. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-162-176

Переосмысление содержания советского эксперимента, начавшегося в годы перестройки, не привело к желаемым результатам. Признание созданной в СССР в первые десятилетия советской власти экономической системы порочной, а политического режима – преступным оказалось невозможным для десятков миллионов граждан страны, которые по-прежнему верят в некогда могущественного вождя И.В. Сталина (Джугашвили), от настоящей фамилии которого образовано первое слово в названии книги Д.Б. Орешкина «Джугафилия и советский статистический эпос». Более того, любые попытки реформировать режим, последовавшие после 1953 г. и особенно после 1985 г., и сейчас многими рассматриваются как преступления, а проводники и лидеры реформ (Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин) – как государственные преступники, которые должны сесть на скамью подсудимых. Основной причиной такого неприятия является то, что виртуальная реальность, которая была создана в СССР на основе коммунистической идеологии с использованием различных инструментов, прежде всего статистических, стала оцениваться многими как подлинная, отказ от которой означает предательство. Образ жизни на основе этой виртуальной реальности начал восприниматься как единственно верный и справедливый. Для Д.Б. Орешкина анализ статистического обеспечения политического режима в СССР является важнейшим. Расхождения между планировавшимися показателями и реальными достижениями рассматриваются им на примерах железнодорожного

¹ В рецензии нашли отражение результаты исследований, поддержанных грантом РФФИ №19-011-00943 «Вперед к прошлому: архаика и архаизационные тенденции в современном российском обществе (междисциплинарный анализ)».

строительства, коллективизации сельского хозяйства, прокладки каналов. В том случае, если цифры, предоставлявшиеся партийному руководству, противоречили идеологическим установкам, практиковалось физическое устранение неугодных (наиболее яркий пример – репрессии против организаторов переписи населения СССР в 1937 г.). Впрочем, провалы в экономической политике также связывались с деятельностью вредителей. И в настоящее время восприятие прошлого страны сквозь призму агнографии рассматривается автором как тормоз развития современной России.

Ключевые слова: советская статистика, сталинизм, Д.Б. Орешкин, агнография, коллективизация, железнодорожный транспорт, Великая Отечественная война

Вместо введения

Казалось бы, зачем сейчас книги, подобные рецензируемой, когда с момента распада Советского Союза прошли без малого три десятилетия, когда существующая столько же в новом формате Россия живет здесь и сейчас, решая текущие задачи? Предоставить историю историкам, разорвать связь с прошлым, начать с чистого листа – заманчиво и романтично, если бы эта связь действительно была разорвана, и порочность исторического пути страны, пройденного в 1917–1991 гг., была бы зафиксирована нормативными правовыми актами. Остались бы люди, тоскующие по прошлому, сохранились бы маргинальные коммунистические общественные организации, что неизбежно в демократическом обществе, но идеология, выразителями которой они являлись, навсегда была бы сметена со столбовой дороги исторического развития.

Но, к сожалению, это не так. Объятия покойного СССР, как и объятия его создателя В.И. Ленина и, особенно, его «верного ученика и продолжателя дела» И.В. Сталина (Джугашвили) не выпускают граждан страны, да и страну в целом, делая многих наших сограждан некрофилами умерших идеологии, плановой экономики, тотального дефицита. Эти объятия подобны вирусу: его носители, успешные пожить в Советском Союзе, заражают им молодежь, которая воспринимает его как в детстве сказку с хорошим концом. С годами иллюзии развеиваются в дым, повераясь практикой:

«Еще финал. Цветочки, изобилье.

Злодей наказан. Счастлив весь народ.

Но сказки сочиняют от бессилья,

А в жизни все как раз наоборот»².

Родившимся же в современной России такой плохой конец сказки о «хорошем» СССР неизвестен: они не знают ни об огромных сложностях экономики переходного периода, пережитых их родителями, ни о продвижении последних по реке жизни как по «смертельной болезни, передающейся половым путем»³ с неизбежным старением и воспоминаниями о молодости, пришедшую на годы

² [Туриянский б/г].

³ Название фильма К. Занусси (2000 г.).

брежневской стабильности, как о лучшем периоде своего земного бытия. Проблемы переходного периода, разделившего судьбу представителей старшего поколения на «до» и «после», стали для многих основным мотивом ностальгии по минувшему. Режиссер Ю.С. Гусман продемонстрировал, как реально протекала жизнь в Советском Союзе, сняв в 2006 г. фильм «Парк советского периода», который можно считать лекарством против вируса «советскофилии». Было бы весьма интересно посмотреть, изменилось бы отношение части просоветской молодежи к повседневной жизни в СССР, поживи они в подобном, а не в фантазийном парке хотя бы несколько дней.

Идеологические основы прежней политической и социально-экономической систем страны имеют многочисленных защитников. Аргументы просты и кажутся неубиваемыми: мы бедные, но гордые, получили страну лапотную, а полетели в космос; экономика СССР развивалась; люди получали бесплатные квартиры; медицина и образование были также бесплатными; цены снижались; на пенсию можно было прожить. Но при этом адепты существовавшего без малого восемь с половиной десятилетий режима забывают о массовых репрессиях в довоенном СССР, об отсутствии политических и экономических свобод, об экономике дефицита, расцвет которой пришелся на 1980-е гг. В своей книге Д.Б. Орешкин с привлечением трудов классиков марксизма-ленинизма и большого массива статистических данных всесторонне исследовал феномен СССР. Надо сразу оговориться, что нарисованная с их помощью картина оказалась гораздо хуже той, которая была нарисована в годы перестройки.

Советская статистика как заложница политики

В объемной (почти полтысячи страниц) книге автор рассматривает два основных тесно переплетающихся сюжета. Первый – это конструкции, легшие в основу советского государства, и их наращивание сталинским режимом, второй – статистическое обеспечение этого режима. По прочтении книги возникает непреходящее убеждение, что роль советской статистики в сталинские годы очень напоминает функцию представителей «древнейшей профессии» (в своей области, конечно). Впрочем, по-иному и быть не могло: государство, политическая система которого была основана на единомыслии, не подразумевала альтернативной «единственно верной точке зрения». Дискуссии допускались, но лишь в рамках борьбы «хорошего с лучшим»: перпендикулярные или же расходящиеся с генеральной линией точки зрения подавлялись в зародыше, а отстаивавшие их специалисты (речь здесь не о массовых репрессиях, это отдельная тема) преследовались, как говорится, «вплоть до высшей меры».

Не минула чаша сия и статистиков, которые вместо того, чтобы, например, подтвердить демографические расчеты вождя, докладывавшего о невероятном росте численности населения страны, попытались, наивные, донести до него правду (по переписи 1937 г. – 164 млн жителей вместо ожидавшихся 180,7 млн)⁴. Во вто-

⁴ «Они, бедняги, решили, что тов. Сталин кем-то введен в заблуждение, и их профессиональный долг – ему об этом сообщить. Эта была катастрофическая ошибка» [Орешкин 2019, с. 217].

рой части известной трилогии А.Н. Рыбакова читаем разговор профессионального статистика, работавшего в Центральном управлении народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) – будущем Центральном статистическом управлении (ЦСУ), с одной из главных героинь:

«– Ну что, Михаил Юрьевич, всех переписали, никого не забыли?

– Всех, Варенька, всех, – вид у него был измученный, озабоченный – всех, кто есть. А вот кого нет, тех, конечно, не переписали.

<...>

– Перепись должна дать цифру населения порядка 170 миллионов, в этом уверено правительство, а я ожидаю максимум 164 миллиона – в лучшем случае. И встает вопрос: куда делись 6 миллионов человек? И ответ у правительства будет такой: перепись произведена вредительски, и те, кто ее производил, – вредители» [Рыбаков 2003, с. 521, 522].

Она и была признана таковой, причем не обошлось без возложения ответственности за «дефектные результаты» на «троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок», под руководством которых работали статистики. Герой книги Михаил Юрьевич, не дожидаясь репрессий, покончил жизнь самоубийством, а вот реальные руководители государственной статистики были арестованы и расстреляны. Это, по-видимому, те самые «агенты» И.Д. Верменичев, кратковременный (несколько месяцев в 1937 г.) начальник ЦУНХУ, которому не помогло даже его чекистское прошлое [Орешкин 2019, с. 237], и его предшественники на этом посту И.А. Краваль (1935–1937 гг.) и В.В. Осинский (1932–1935 гг.), имевшие непосредственное отношение к организации переписи 1937 г. Следующая, уже «правильно» проведенная в 1939 г. перепись дала оценку численности населения СССР в 170,5 млн чел.

Конечно, статистики были не единственной пострадавшей профессиональной группой: в 1930-е гг. репрессии охватили историков, экономистов, представителей точных и естественных наук и более редких профессий, например военных юристов [Смирнов 2001]. Список только членов АН СССР – академиков и членов-корреспондентов (в него, правда, вошли пострадавшие и в 1920-е гг., и по так называемому «Делу врачей») включает 105 персоналий [Трагические судьбы 1995, с. 237–252]. На мой взгляд, репрессии против научной и управленческой элиты, обычных работников, занятых в экономике, были обусловлены статистическим расхождением между виртуальной картинкой и реальным положением дел в стране, прежде всего в экономике и социальной сфере. Так, упреждающие удары еще до катастрофических статистических последствий коллективизации были нанесены по пытавшимся сохранить профессионализм и честность экономистам: Н.Д. Кондратьеву, А.В. Чаянову, Л.Н. Юровскому и другим. «Кондратьев очень много писал о плане и сам вырабатывал перспективный план развития сельского и лесного хозяйства. Смысл всех его писаний сводится к тому, что при выработке плана можно предвидеть стихийный ход развития и лишь несколько влиять на этот ход, но план не в состоянии сколько-нибудь существенно изменить стихийное (капиталистическое) развитие» [Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина 1930, с. 31]. А вот тут вредители как в воду глядели: «<...> низкий материальный уровень для трудящихся, <...> вот каков был бы результат, если бы страна развивалась по путям, которые хотели Кондратьевы, Макаровы и иже с ними» [Кондратьевщина 1930, с. 77]. Теперь, вооруженные современными знаниями

и статистическими знаниями, мы видим, что именно альтернативный кондратьевскому «и иже с ним» путь и привел к тем последствиям, о которых говорилось в процитированном сборнике. Расчеты автора книги, которые он провел на основе данных, содержащихся в докладах И.В. Сталина на XVI (1930 г.) и XVIII (1939 г.) съездах ВКП(б), свидетельствуют о реальной катастрофе, произошедшей в сельском хозяйстве страны. Поголовье крупного рогатого скота (КРС) сократилось с 70,1 млн голов в 1928 г. до 38,4 млн в 1933 г., овец и коз – со 152,7 до 50,2 млн, свиней – с 26,4 до 12,1 млн соответственно [Орешкин 2019, с. 192]. В некоторых республиках ситуация оказалась еще более катастрофичной: в Казахстане поголовье животных в сельском хозяйстве в пересчете на условный КРС, достигшее своего максимума в 1928 г. (14,3 млн голов), в июне 1934 г. составило всего 15,9% от этой величины, или 2,3 млн голов [Орешкин 2019, с. 194].

Жесткая критика сторонников «капиталистического» пути развития сельского хозяйства страны в 1930 г. после того, как органами ОГПУ было сфабриковано дело так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП), самим критикам не помогла. Впоследствии были расстреляны автор доклада «О контрреволюционном вредительстве в сельском хозяйстве», заместитель председателя Госплана СССР В.П. Милютин, а также не менее 4 из 9 выступавших по докладу⁵: заведующий кафедрой экономики и планирования Сельскохозяйственного планового института профессор Я.К. Берзтыс, бывший вице-президент ВАСХНИЛ академик А.С. Бондаренко, директор Воронежского сельскохозяйственного института (ВСХИ) профессор Я.П. Никулихин, главный агроном свеклосовхоза «Степной хутор» Сафоновского района Тульской области С.Г. Ужанский [Кондратьевщина 1930]. Все они ратовали за коллективизацию сельского хозяйства, но в соответствии с лексикой второй половины 1930-х гг. оказались «двuruшниками»: например, тому же С.Г. Ужанскому в 1938 г. вменялось «проведение вредительства в области колхозного строительства и сельского хозяйства». В общем, получалось так, как спустя десятилетия было зарифмовано в «Советском танго»:

«И женщины граждан рожали,
И Ленин им путь озарял.
Потом этих граждан сажали,
Сажали и тех, кто сажал»⁶.

В то время получил широкое распространение эвфемизм, которым обозначался арест или, как минимум, увольнение сотрудника организации. «За последние три года из состава работников ИМЭЛ изъято органами НКВД 36 врагов народа, из которых основная группа стояла у руководства Институтом <...> или выполняли ответственную научную работу» (цит. по: [Мосолюв 2010, с. 345]). Вообще «эвфемизация» конкретных исторических фактов приобретала порой весьма причудливые формы: если после XX (1956 г.) и особенно XXII съездов КПСС (1961 г.) в течение нескольких лет в биографиях погибших в годы сталинских репрессий указывались реальные причины смерти, то с середины 1960-х гг. об уходе их из жизни сообщалось весьма туманно. Просвещенный читатель, конечно, все понимал, но витрину сталинского периода в новой парадигме не должны были разбивать пули массовых

⁵ По базе данных Международного общества «Мемориал» (<http://lists.memo.ru/>) и Единой базы данных жертв репрессий в СССР, размещенной на сайте «Бессмертного барака» (<https://bessmertnybarak.ru/books>).

⁶ [Шаов 6/г].

репрессий. Например, об уходе стоявшего у истоков советского плаката Г.Г. Клуциса (1895–1938 гг.) сообщалось следующим образом: «В конце 1937 года Клуцис начинает работу над эскизами оформления Советского павильона “Мир завтрашнего дня”, состоявшейся в Нью-Йорке в 1939 году. Однако стать участником этой выставки Клуцису уже не было суждено» [Огинская 1981, с. 146]. О командующем Черноморским флотом флагмане флота 2-го ранга И.К. Кожанове сообщалось, что «<...> Кожанову не довелось вести в бой Черноморский флот, когда фашистская Германия вероломно напала на Советскую страну» [Варгин 1980, с. 111]. Но, пожалуй, верхом цинизма можно считать следующее: «В декабре 1937 года Г.Д. Гай скончался» [Айрапетян 1980, с. 120]. Это об арестованном еще в 1935 г. и расстрелянном 11 декабря 1937 г. бывшем командире 24-й Самаро-Ульяновской Краснознаменной Железной дивизии Г.Д. Гае (Г.Д. Бжишкянц, 1887–1937 гг.).

Расхождения между виртуальным образом СССР, поддерживаемым государственной статистикой, и реальным положением дел вынуждали искать вредителей. Самые известные «проекты» в этой области – «Шахтинское дело» (1928 г.) и «Дело Промпартии» (1930 г.). Когда коллективизация закончилась катастрофой, последовали арест руководителя «Трактороцентра», заместителя наркома земледелия СССР А.М. Маркевича (1933 г.) и процесс «буржуазных перерожденцев и вредителей из одесского “Зерноцентра”» (июль 1933 г.)⁷. Вредителей находили практически во всех сферах хозяйственной жизни СССР. В 1930 г. ОГПУ была «раскрыта контрреволюционная вредительская и шпионская организация в снабжении населения важнейшими продуктами питания (мясо, рыба, консервы, овощи), имевшая целью создать в стране голод» [Вредители рабочего снабжения 1930, с. 3]. Процесс по этому делу не проводился, поскольку решение о расстреле 48 специалистов пищевой промышленности было оперативно принято Коллегией ОГПУ: период от ареста до расстрела большинства обвиненных во вредительстве не превысил одного месяца.

И здесь нельзя не обратить внимание на то, что во многих случаях причины предъявления обвинений специалистам-исполнителям заключались в том, что лица, принимавшие решения (как правило, члены ВКП(б)) по развитию тех или иных отраслей или конкретных производств, формировали несбыточные планы, не подкреплявшиеся статистическими расчетами. Вот, например, лонгридный фрагмент мемуаров участника тех событий ихтиолога В.В. Чернавина, арестованного в 1930 г. и осужденного на 5 лет за «вредительство» в рыбном деле и сумевшего бежать из Кандалякши за границу, о принятии в «Севгосрыбтресте» плана на 1930 г.: «<...> было объявлено, что ввиду необычайных успехов пятилетка заканчивается в четыре года, т.е. к 1 января 1932 года. Наш нормальный улов в 40 000 тонн мы должны в течение трех лет превратить в 1 500 000 тонн, т.е. увеличить примерно в 40 раз» [Чернавин 1999, с. 26]. Для этого необходимо было обеспечить создание соответствующей береговой инфраструктуры (склады, холодильники и т.п.). Но «<...> в самом благоприятном случае можно будет приступить к составлению эскизных проектов с 1 января 1930 года. На выполнение их понадобится еще год, т.е. к 1 января 1931 года их вместе с новым планом можно будет представить на утверждение. Они должны будут пройти все законные инстанции.

⁷ Из статьи в газете «Известия» «Процесс буржуазных перерожденцев и вредителей из Одесского зернотреста закончился» (16 июля 1933 г.) // <http://istmat.info/node/41334>

<...> Если все пойдет гладко <...>, эскизные проекты будут утверждены к 1 июля 1933 года, и только тогда можно будет приступить к составлению окончательных проектов, рабочих чертежей и смет. Они могут быть готовы только в 1933 году. <...> А к 1 января 1932 года мы должны иметь в работе уже 300 траулеров и довести улов до 1 000 000 тонн в год, т.е. сделать все это в тот момент, когда не будут готовы даже эскизные проекты построек. <...> Долго еще говорили спецы, указывая в осторожной форме на абсурдность плана, обращая внимание на то, что Мурманская одноколейная железная дорога и в настоящее время не справляется с перевозками, при намеченном же развитии промысла потребуется: для перевозки одной рыбы около 200 вагонов в день. <...> Необходимо тотчас же приступить к постройке второй колеи. <...> В Мурманске всего 12 000 жителей, но и теперь жилищная нужда ужасающая. При намеченном развитии промысла число рабочих не может быть меньше 50 000 человек, что вместе с семьями составит около 200 000 человек. Для такого населения нужно построить не только дома, но школы, баню, магазины, канализацию, электростанцию и прочее, это, в свою очередь, поведет к дальнейшему увеличению населения. Собственно говоря, для выполнения задания надо создать город с населением в 250 000 жителей. Постройка нового города и прокладка железнодорожного пути не могут производиться рыбопромышленным предприятием. Между тем без осуществления этих работ план не может быть выполнен. Подготовка судовых команд также представляет немалые затруднения: для обслуживания 500 траулеров потребуется 25 000 человек с дипломом, разрешающим управление судами, штурманский состав и такое же количество судовых механиков. <...> Если вспомнить, что вся довоенная Россия, оспаривая первое по рыболовству место в мире, на всех своих промыслах – Каспия, Азовского и Черного морей, Сибири и Дальнего Востока – давала всего 1 000 000 тонн рыбы в год, причем число промыслов измерялось тысячами, а число рабочих на промыслах сотнями тысяч, то ясно будет, как реальны были цифры нового плана для только что возникшего рыбного треста, работавшего за полярным кругом, в городе, где было 12 000 жителей» [Чернавин 1999, с. 26–27]. Как тут было в дальнейшем обойтись без последующего поиска вредителей?

В условиях, когда реальные экономические успехи были существенно меньше заявленных или планировавшихся, советская экономическая история сталинского периода превращалась преимущественно в набор качественных описаний «прорывов», а жизнеописание ее лидера и уцелевших сподвижников – в агиографическую литературу, описание жизни «советских святых» [Орешкин 2019, с. 26–27].

Региональный срез мистификаций

В книге нарисовано огромное текстовое полотно различных срезов жизни советского общества в сталинскую эпоху, как мне кажется, напоминающего чем-то центральную часть триптиха И. Босха «Искушение Святого Антония». Действительно, социальные и экономические лозунги, которые искушали значительную часть населения и под которыми большевики в 1917 г. осуществили государственный переворот, в реальной жизни советского общества реализованы не были. Созданная экономическая система оказалась неэффективной и не позволила СССР конкури-

ровать по уровню жизни населения с экономически развитыми странами Европы и Северной Америки. Поддержка же социальных мифов требовала использования различных инструментов – не только политических (обеспечение единомыслия и преследование инакомыслящих) и идеологических (реклама преимуществ советской системы), но и статистических, при помощи которых приукрашивались достижения СССР. В итоге лозунги повернулись к стране обратной стороной, которая оказалась весьма неприглядной. Поэтому-то и оказался востребованным тот самый агиографический подход, которым вынуждены были пользоваться «конструкторы бездны», в которую попала страна. Ну а что касается И. Босха, то эта аналогия уместна еще и потому, что книга иллюстрирована без малого четырьмя десятками советских плакатов середины 1920-х – конца 1940-х гг., при помощи которых создавался виртуальный мир СССР.

Д.Б. Орешкин успешно развенчивает советскую агиографию в ее статистическом измерении, будь то агиография финансовой статистики, статистики продовольственной ситуации, статистики производства водки или статистики военных успехов в годы Великой Отечественной войны [Орешкин 2019, с. 113–259]. Манера подачи материала – вот ведь «быть могут странные сближения»⁸ – чем-то напоминает, сколь кощунственной не показалась бы эта аналогия, стиль давней книги о. А. Меня «Сын человеческий», точнее, написанные им Приложения к ней, в которой автор аргументированно, с привлечением исторических источников, доказывает земное существование Иисуса Христа [Мень 2012, с. 323–382]. Однако имеется принципиальное различие: если о. А. Мень укрепляет веру, утверждая, что библейские события – это отнюдь не миф, а реальные события (с этим, конечно, можно спорить, оспаривая аргументы автора), то Д.Б. Орешкин с использованием статистических данных обосновывает, что значительная часть советских реалий на самом деле была мифом.

Меня же, экономико-географа по базовому образованию, не мог не заинтересовать вопрос, в какой мере автор книги (тоже географ) исследует региональный срез мистификаций, какие примеры проецируются им на территорию страны. Нельзя сказать, что это ключевая тема книги, однако отдельные ее страницы и разделы, пусть иногда и опосредованно, погружают в региональную проблематику.

Выше уже говорилось о катастрофическом сокращении поголовья скота в Казахстане, но это лишь один из примеров. Специальная глава в книге посвящена строительству судоходных каналов [Орешкин 2019, с. 346–364], которые реально не могли не оказывать влияние на прилегающие к ним территории. Речь идет даже не о феномене каналомейцев, а о весьма скромных конечных результатах, которые были получены ценой многих человеческих жизней. Только на строительстве в 1931–1933 гг. проходящего по территории Республики Карелия Беломорканала, который имел оборонное значение «по официальным данным <...>, погибли 12 300 человек», при этом независимые эксперты оценивают эту величину иначе – от 50 до 86 тыс. чел. [Балабан 2018]. И все это ради того, чтобы построить канал, по которому из-за небольшой глубины (3–3,5 м вместо изначально планировавшихся 5–5,5 м) не могли проходить морские суда, и проблема перевалки грузов на мелкотоннажные речные суда решена не была [Орешкин 2019, с. 347]. Такая же глубина была и у Волго-Донского канала, но строился он уже в послевоенные

⁸ Из черновиков А.С. Пушкина к поэме «Граф Нулин».

годы без массового привлечения заключенных, в отличие от канала имени Москвы (Москва – Волга), в сооружении которого приняли участие в общей сложности до 700 тыс. заключенных Дмитровлага.

Разрыв между пропагандой, возвеличивавшей транспортные проекты, и реальными результатами подтверждается статистикой железнодорожного строительства в СССР как сталинского, так и постсталинского периода. Ввод в эксплуатацию железнодорожных путей не превышал, как правило, 0,7 тыс. км за пятилетие, за исключением 1938–1940 и 1941–1945 гг., когда он составил 1,3 и 1,6 тыс. км соответственно [Орешкин 2019, с. 312]. Впрочем, что касается периода Великой Отечественной войны, то следует иметь в виду, что часть этих линий (особенно рокадные дороги) строились по упрощенным технологиям, а рост ввода железных дорог в 1938–1940 гг. может быть связан с присоединением к СССР новых территорий и интеграцией их железнодорожных сетей в транспортную систему страны. Можно вспомнить и стоившую многих человеческих жизней заброшенную вплоть до 1980-х гг. Трансполярную магистраль, так и не построенный туннель между материковой частью страны и островом Сахалин. Особенно впечатляют результаты проведенного автором сопоставления «громадья планов» с реальным их воплощением в жизнь. Например, в первой пятилетке (1928–1932 гг.) планировалось построить 16,2 тыс. км железных дорог, в то время как фактический результат составил (по данным различных источников) от 5,1 до более 6 тыс. км. Аналогичные показатели во второй пятилетке (1933–1937 гг.) – 11 и 2,2–3,4 тыс. км, в четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) – 7,2 и 1,5–2,3 тыс. км соответственно [Орешкин 2019, с. 303]. Подобные расхождения имелись и в других отраслях экономики.

Но это статистические фальсификации в экономике, от последствий которых умирали только в случаях нехватки продовольствия (и это было в сталинском СССР). Гораздо страшнее, когда речь шла о фальсификациях в военной статистике. Автор приводит фантастические оценки Сталиным военных потерь Германии в первые три года войны, которые при суммировании дают величину в 16,5 млн чел. [Орешкин 2019, с. 209]. То же жонглирование цифрами происходило и при обнародовании Совинформбюро данных о потерях танков и самолетов воюющими сторонами: так, в вечернем сообщении от 29 июня 1941 г. Совинформбюро противопоставляет германскому радио, заявлявшему, что за семь дней войны захвачено или уничтожено более 2000 советских танков, уничтожено более 4000 советских самолетов при потерях немецкой стороны всего 150 самолетов, «правильные» данные. Совинформбюро утверждало, что «<...> в результате упорных и ожесточенных боев за период в 7–8 дней немцы потеряли не менее 2500 танков, около 1500 самолетов, более 30000 пленными», а мы «за тот же период <...> потеряли 850 самолетов, до 900 танков» [Сводки Советского Информбюро б/г]. Как видим, в расчете на один советский потерянный самолет потери немецкой авиации составили 1,76 самолета. В дальнейшем ситуация для Германии стала еще более «катастрофичной»: в период с 29 июня по 10 июля 1941 г. Германия потеряла 572 самолета, в то время как СССР – всего 119 (соответствующее соотношение потерь выросло до 4,8:1 [Сводки Советского Информбюро б/г]).

Перечисленные, да и многие другие статистические выкладки были возможны еще и потому, что в СССР говорить о свободе печати не приходилось. Остатки подобия независимости печатного слова были ликвидированы к концу 1920-х гг., когда советская статистика стала работать на отражение успехов индустриализации.

зации и коллективизации. Первый Декрет «О печати» был принят 27 октября (9 ноября) 1917 г., и в нем еще сохранялись элементы законности: «Закрываются лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к действиям явно преступного <...> характера». Кроме того, было дано обещание, что «<...> настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни [Декреты советской власти 1957]. Однако «нормальные условия общественной жизни» так и не наступили, и на основании данного Декрета в октябре 1917 г. – июне 1918 г. были закрыты более 470 оппозиционных газет. Каждое же последующее вмешательство советской власти в деятельность печатных изданий имело более жесткий характер: так, уже 18 марта 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление с поручением «Комиссариату юстиции войти в контакт с Московским Совдепом и тов. Дзержинским и принять меры к немедленному закрытию буржуазных газет с преданием редакторов и издателей революционному суду и применением к ним самых суровых мер наказания» [Декреты советской власти 1959].

Спустя более чем десятилетие, когда все печатное слово в стране стало коммунистическим, И.В. Сталин 13 сентября 1930 г. писал В.М. Молотову (до назначения последнего на пост Председателя Совнаркома СССР остается еще 3 месяца): «Уйми, ради бога, печать с ее мышинным визгом о “сплошных прорывах”, “нескончаемых провалах”, “срывах” и т.п. брехне. <...> Особенно визгливо ведут себя “Экономическая жизнь”, “Правда”, “За индустриализацию”, отчасти “Известия”. Пищат о “падении” темпов» [Орешкин 2019, с. 325]. В дальнейшем как центральная, так и региональная советская печать вплоть до перестройки избегала касаться глобальных проблем (да и статистики соответствующей не было), ограничиваясь проблемами конкретных предприятий, где темпам из-за негодного, а в 1930-е гг. «вредительского» руководства действительно было позволено снижаться. Обобщения не допускались.

Проекция в современность

С мифами расставаться очень трудно, а для многих – болезненно и практически невозможно. Слишком уютным кажется то мономерное общество, изолированное от мира «железным занавесом», которое было создано в годы нахождения Сталина у власти. Большинство советских граждан не могли себе представить, что возможна какая-то иная жизнь, основанная на совершенно иных принципах. Жизнь, в которой статистика не обслуживает идеологию, а стремится реально описать происходящие в стране социально-экономические процессы. Отсюда – безграничная любовь к вождю, который якобы строил самое лучшее в мире общество социальной справедливости, отсюда – нелюбовь к лидерам, пытавшимся так или иначе смягчить ежовые рукавицы режима и заставлявших людей по-новому взглянуть на казавшиеся незыблемыми ценности.

Нет, советское общество не было однородным, и единство партии с народом носило скорее площадной характер – во время прохождений ежегодных майской

и ноябрьской демонстраций по красным площадям городов. Но потом это чувство единства утрачивалось, потому что, придя домой, не приближенный к власти и ее обслуживанию типичный демонстрант погружался в бытовые проблемы. Он не видел на праздничном столе тех продуктов, на вешалке и под ней – той одежды и обуви, которые были обещаны советской статистикой. В очереди на квартиру он стоял лет десять, в очередь на мебель – лет пять, а на приобретение автомобиля, на который тоже нужно было стоять в очереди, у него при небольшой заработной плате просто не хватало денег. Но при этом у него была так называемая уверенность в завтрашнем дне, которую всячески поддерживали власти – бесплатными образованием и общественной медициной (впрочем, власти пользовались медицинскими услугами совсем иного уровня), пенсионным обеспечением и иными социальными гарантиями.

При переходе к рыночной экономике, когда дефицитом стали деньги, а не товары и услуги, такой рядовой демонстрант растерялся, не сумев в силу субъективных (возраст, квалификация, нездоровый образ жизни, отсутствие желания или возможностей территориальной мобильности) или объективных (реструктуризация экономики, закрытие старых советских предприятий) причин найти своего места в новых условиях. Отсюда тоска по прошлой стабильности, причем не брежневских времен (ну какой из Л.И. Брежнева вождь), а времен сталинских, когда эту стабильность гарантировал вождь, жестко карая внутренних врагов режима – да что врагов! – даже предлагавших некоторые робкие альтернативы (достаточно вспомнить «Ленинградское дело» 1950 г.). Проведенный в марте 2019 г. Левада-Центром очередной опрос об отношении россиян к Сталину показал, что суммарный уровень положительного отношения к нему оказался максимальным за весь период (2001–2019 гг.): Сталиным восхищались, его уважали или относились к нему с симпатией 51% респондентов, а роль Сталина как целиком положительную или скорее положительную оценили 70% опрошенных [Дергачев 2019]. В этом немалую отрицательную роль играет советская статистика, сформировавшая великие мифы об экономических победах СССР сталинского периода.

Такие результаты позволяют прогнозировать трудную судьбу России в дальнейшем, большая часть населения которой фактически отвергает нормальный демократический путь развития страны и не возражает против появления непогрешимого вождя, который выведет ее на путь процветания. Приговоры подобной системе, хотя и юридически, к сожалению, не оформленные, выносили лучшие граждане страны. Вот один из них, с которым трудно не согласиться: «Убейте меня, но сталинизм – это болезнь. Массовое психическое заболевание. Типа клептомании. Какое-то чудовищное сочетание бедности, отсутствия культуры, религиозности (с подменой “Бога”), стадности, доведенной уже до истерики. <...> Сколько людей, умнейших людей, было втоптанно в грязь или физически уничтожено! В угоду, на радость черни. Ну и, конечно, для укрепления собственной, партийной власти» [Бурков 1999].

Спустя три десятилетия ситуация практически не изменилась. «Массовое сознание точнее и трезвее оценивает характер действующего режима, чем политологи, “социологи” и публицисты. Оно воспринимает режим как тоталитарную систему, которую нельзя изменить, но к которой надо и можно приспособиться, поскольку другие варианты невозможны. <...> При проектировании будущего надо учитывать антропологический образ советского человека, обструганного

со всех сторон существа с минимальным чувством собственного личного достоинства, очень ограниченными запросами» [Гудков 2019].

Такие граждане – отнюдь не меньшинство в России, только по сравнению с советским периодом уровень их запросов поднялся. Они имеют и свои публицистические рупоры – достаточно назвать А. Дугина, Н. Старикова, А. Паршева, А. Проханова и иже с ними, которые при всех отличиях их позиций сходятся в главном – в своих призывах к возврату в той или иной формах к сталинскому периоду истории СССР с неизбежным подавлением свободы личности в интересах государства. Д.Б. Орешкин достаточно подробно, в том числе с использованием статистических выкладок, развенчивает аргументы этих авторов, воззрения которые перпендикулярны историческому прогрессу.

«Джугафилия» сильна, но в нынешних условиях борьба с ней не столь безнадежна. Возможности общества к самоорганизации, несмотря на усиление давления на оппозиционеров, по-прежнему существуют. Имеются независимые социальные сети и некоторое количество (в том числе и на региональном уровне) независимых печатных и электронных СМИ. Но как экономист замечу, пусть это и банально, что самым надежным лекарством против болезни является экономический рост и, по терминологии социалистического прошлого, рост благосостояния российских граждан.

Что касается российской статистики, то по сравнению со статистикой советского периода она миновала репрессивного давления властей, хотя в отдельных случаях и пытается максимально подстроиться под реализуемые национальные проекты. В большинстве других случаев несогласованность цифр до недавнего времени была обусловлена, скорее, имеющимися недостатками методик их расчета. Однако утрата Росстатом независимости и подчинение его Минэкономразвитию возродили риски «политизированной корректировки макроэкономических показателей», «увеличения реальности» [Данилов 2019]. Полагаю, однако, что даже ошибочные управленческие решения, принятые на основе вновь создаваемого российской статистикой виртуального мира, не являются критичными для страны по сравнению с другими угрозами.

Литература

- Айрапетян Г.А. (1980) Железный Гай. М.: Воениздат.
- Балабан Е. (2018) 85 лет назад на строительстве Беломорканала погибли десятки тысяч человек. Теперь он никому не нужен // Медуза. 16 марта 2018 // <https://meduza.io/feature/2018/03/16/85-let-nazad-na-stroitelstve-belomorkanala-pogibli-desyatki-tysyach-chelovek-teper-on-nikomu-ne-nuzhen-reportazh-meduzu>
- Бурков Г. (1998) Хроника сердца. М.: Вагриус.
- Варгин Н.Ф. (1980) Флагман флота Кожанов. М.: Воениздат.
- Вредители рабочего снабжения (1930). М.: Московский рабочий.
- Гудков Л. (2019) Общество без будущего. К чему мы пришли за тридцать лет? // Republic.ru. 9 октября 2019 // https://republic.ru/posts/94886?fbclid=IwAR2nGGBY879ikKQsillajNkJUiU-Hk6NP2d_5bAKnpj2hs5vFgB93RgUj8o
- Данилов Ю. (2019) Розовые очки государства // Новая газета. 14 октября 2019 // https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/10/13/82337-rozovye-ochki-gosudarstva?fbclid=IwAR080v0ndB1ehA7-x7dTFUKGuBzokTyre63p1NQ_TGJoCogbe-y83j049pc

- Декреты советской власти. Т. 1 (1957). М.: Госполитиздат // <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/press.htm>
- Декреты советской власти. Т. 2 (1959). М.: Госполитиздат // http://ptiburdakov.ru/История/принято_постановление_о_закрытии_буржуазных_газет
- Дергачев В. (2019) Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд // RBC. 16 апреля 2019 // <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c>
- Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина. Вредительство в сельском хозяйстве (1930). М.: Международный аграрный институт.
- Кондратьевщина (сборник) (1930). М.: Издательство Коммунистической академии.
- Мень А. (2012) Сын человеческий. М.: Жизнь с Богом.
- Мосолов В.Г. (2010) ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1921–1956. М.: Новый хронограф.
- Огинская Л.Ю. (1981) Густав Клуцис. М.: Советский художник.
- Орешкин Д.Б. (2019) Джугофилия и советский статистический эпос. М.: Мысль.
- Рыбаков А. (2003) Страх. М.: АСТ.
- Сводки Советского Информбюро 22 июня 1941 – 15 мая 1945 (б/г) // <https://www.rulit.me/books/svodki-sovetskogo-informbyuro-22-iyunya-1941-15-maya-1945-great-victory-ru-read-418981-1.html>
- Смирнов Н.Г. (2001) Репрессированное правосудие. М.: Гелиос АРВ.
- Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР (1995). М.: Наука.
- Туриянский В. (б/г) Мой золотой любимый чижик // <http://www.bards.ru/Turiansk>
- Чернавин В.В. (1999) Записки «вредителя». СПб.: Канон.
- Шаов Т. (б/г) Советское танго // http://bard.ru.com/php/print_list.php?id=3375

In the Clutches of the Past

Book Review: Oreshkin D.B. (2019) *Stalinphilia and the Soviet Statistical Epic*, Moscow: Misl' (in Russian).

S. SMIRNOV*

*Sergey Smirnov – DSc in Economics, Chief, Center for Analysis of Social Programs and Risks, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: 4-2, Slavvanskaya Sq., Moscow, 109074, Russian Federation. E-mail: socpol@hse.ru

Citation: Smirnov S. (2020) In the Clutches of the Past. *Mir Rossii*, vol. 29, no 3, pp. 162–176 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-162-176

Abstract

The reinterpretation of the Soviet experiment during Perestroika failed by most accounts. Yet most Russians still have trouble recognizing the essential flaws of the economic and political system that emerged in the USSR in the first years of Soviet power. These people still magically believe in the power of Stalin, whose name is, by no accident, used in the

title of the book. Even the attempts to reform the regime in 1953 and, especially, after 1985 are considered by many as a crime, and their initiators (Khrushchev, Gorbachev, Yeltsin) as state criminals who should be put on trial. This book argues that the primary reason behind this ‘magic’ is the masterful virtual reality that was created and maintained in the USSR on the basis of Communist ideology, a reality that was maintained using a wide range of tools, primarily statistical. The discrepancies between the planned indicators and the real achievements are investigated by the author using examples of railway construction, the collectivization of agriculture, laying of channels, etc. In cases when figures presented to the party leadership did not square well with the ideological guidelines, physical elimination was frequently used to get rid of those who fell out of favor (the most striking example concerns the repressions against the organizers of the population census of the USSR in 1937). These same people were also often blamed for the failures in economic and social policy. The author concludes that the continuing perception of the country’s past through the prism of such hagiography is an obstacle to the development of modern Russia.

Key words: statistics in the USSR, Stalinism, Oreshkin, hagiography, collectivization, railway transport, great Patriotic war

References

- Ajrapetyan G.A. (1980) *Zheleznij Gaj* [The Iron Gaj], Moscow: Voenizdat.
- Balaban E. (2018) 85 let nazad na stroitel'stve Belomorkanala pogibli desyatki tisyach chelovek. Teper' on nikomy ne nuzhen [85 Years Ago, Tens of Thousands of People Died during the Construction of the White Sea Canal. No One Needs It Now]. *Medyza*, March 16, 2018. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/03/16/85-let-nazad-na-stroitelstve-belomorkanala-pogibli-desyatki-tisyach-chelovek-teper-on-nikomu-ne-nuzhen-reportazh-meduzy>, accessed 21.04.2020.
- Burkov G. (1998) *Khronika serdtsa* [The Chronicle of the Heart], Moscow: Vagrius.
- Chernavin V.V. (1999) *Zapiski «vreditelya»* [Notes of the “Saboteur”], Saint Petersburg: Kanon.
- Gudkov L. (2019) Obshchestvo bez budushchego. K chemy my prishli za tridsat' let? [A Society without a Future. What Have We Come to in Thirty Years?]. *Republic.ru*, October 9, 2019. Available at: https://republic.ru/posts/94886?fbclid=IwAR2nGGBY879ikKQOsillajNKJU iU-Hk6NP2d_5bAKnjp2hs5vFgB93RgUj8o, accessed 21.04.2020.
- Danilov Yu. (2019) Rozovye ochki gosudarstva [Rose-colored Glasses of the State]. *Novaya gazeta*, October 14, 2019. Available at: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/10/13/82337-rozovye-ochki-gosudarstva?fbclid=IwAR080v0ndB1ehA7-x7dTFUKGuBzokTyre63p1NQ_TGJoCogbe-y83j049pc, accessed 21.04.2020.
- Dekrety sovetskoj vlasti*. T. 1 [Decrees of the Soviet Government. Vol. 1] (1957), Moscow: Gospolitizdat. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/press.htm>, accessed 21.04.2020.
- Dekrety sovetskoj vlasti*. T. 2 [Decrees of the Soviet Government. Vol. 2] (1959), Moscow: Gospolitizdat. Available at: http://ptiburdukov.ru/История/принято_постановление_о_закрытии_буржуазных_газет, accessed 21.04.2020.
- Dergachev V. (2019) Uroven' odobreniya Stalina rossiyanami pobil istoricheskij rekord [The Level of Approval of Stalin by Russians Exceeded a Historical Record]. *RBC*, April 16, 2019. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c>, accessed 21.04.2020.

- Kondrat'evshchina, chayanovshchina i sukhanovshchina. Vreditel'stvo v sel'skom khozyastve* [Kondrat'evshchina, Chayanovshchina and Sukhanovshchina. Sabotage in Agriculture] (1930), Moscow: Mezhdunarodnij agrarnij institut.
- Kondrat'evshchina* (sbornik) [Kondrat'evshchina (Digest)] (1930), Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii.
- Men' A. (2012) *Syn chelovecheskij* [The Son of Man], Moscow: Zhiznj s Bogom.
- Mosolov V.G. (2010) *IMEL – tsitadel' partijnoj ortodoksii. Iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri CK KPSS. 1921–1956* [IMEL as a Citadel of Party Orthodoxy. From the History of the Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee. 1921–1956], Moscow: Novij Khronograph.
- Oginskaya L. Yu. (1981) *Gustav Klutsis* [Gustavs Klucis], Moscow: Sovetskij khudozjnik.
- Oreshkin D.B. (2019) *Dzhugofliya i sovetskij statisticheskij epos* [Stalinphilia and the Soviet Statistical Epic], Moscow: Misl'.
- Rybakov A. (2003) *Strakh* [Fear], Moscow: AST.
- Shaov T. (n/o) *Sovetskoe tango* [The Soviet Tango]. Available at: http://bard.ru.com/php/print_list.php?id=3375, accessed 21.04.2020.
- Smirnov N.G. (2001) *Repressirovanoe pravosudie* [Repressed Justice], Moscow: Gelios ARV.
- Svodki Sovetskogo Informbyuro 22 iyunya 1941 – 15 maya 1945* [Reports of the Soviet Information Bureau, June 22, 1941 – May 15, 1945] (n/y). Available at: <https://www.rulit.me/books/svodki-sovetskogo-informbyuro-22-iyunya-1941-15-maya-1945-great-victory-ru-read-418981-1.html>, accessed 21.04.2020.
- Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR* [Tragic Fates: Repressed Scientists of the USSR Academy of Sciences] (1995), Moscow: Nauka.
- Turiyanskij V. (n/y) *Moj zolotoj lyubimyj chizhik* [My Golden Favourite Siskin]. Available at: <http://www.bards.ru/Turiansk>, accessed 21.04.2020.
- Vargin N.F. (1980) *Flagman flota Kozhanov* [Flagship of the Fleet Kozhanov], Moscow: Voenizdat.
- Vrediteli rabochego snabzheniya* [Saboteurs in the Worker's Supply] (1930), Moscow: Moskovskij rabochij.